

Борис МОИСЕЕВ: «Жизнь так и осталась загадкой»

Дело всей жизни Бориса Моисеева — любовь

■ МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Продолжаем цикл публикаций нового проекта Александра Жабского «Мое поколение». В этой рубрике уже выступили известный питерский писатель Александр Мелихов, популярный певец Валерий Леонтьев, президент Национальной федерации психоанализа наш земляк Михаил Решетников, одна из немногих и поныне активно занимающихся политической деятельностью диссидентов еще с советских времен Валерия Новодворская («СПб Курьер» от 29.06, 27.07, 7.09, 5.10).

А сегодня на наши вопросы отвечает самобытный артист, который вот уже более 30 лет делает незабываемые, живые и искренние шоу, в которых он предстает не только как певец и танцовщик, но и как актер, таинственный и притягательный. Мой собеседник — Заслуженный артист Российской Федерации Борис МОИСЕЕВ.

— Вспоминаете ли вы прошедшее не в связи с событиями личной жизни? Если да, то что именно вспоминается из 50-, 60-, 70-, 80-, 90-х годов?

— Я постараюсь назвать по одному событию каждой эпохи, но это те события, которые действительно во многом перевернули мое мировоззрение и сознание. Если говорить о 50-х, то это, конечно же, Международный фестиваль молодежи и студентов. Я сам это событие помню смутно ввиду своего уж совсем юного возраста: мне было лет 5, да и жил я тогда далеко-далеко от Златолавной. Но даже в начале 60-х, когда я уже после школы переехал в Минск, в народе ходили легенды об этом фестивале. Самый нелепый слух был, что приезжал сам Элвис. И кто-то, дескать, его видел собственными глазами. В любом случае после этого события мы по-другому взглянули на западный мир, стали хоть на шаг ближе. Для нас открылась западная музыка, которая в 60-х и подарила нам «Битлз». Это был для меня шок, 60-е прошли для моего поколения под знаком «Битлз» и, конечно же, Гагарина. Если говорить о 70-х, то ни с чем, кроме застоя и унылой физиономии Брежнева, у меня они не ассоциируются. Возможно, отчасти из-за этого я и переехал в Литву, там дышать было свободнее. Самая сильная эмоция

80-х — это, конечно же, антиалкогольная кампания. Да, перестройка, гласность — все это, конечно грандиозно и громогласно, но народ не менее волновал вопрос, где достать. 90-е годы с чем только у меня не ассоциируются. Начиная с «развала» и «обстрела» и кончая «дефолтами».

— К чему в прошлом больше тяготеет ваша душа?

— Она тяготеет к родным местам. Тем уголкам детства, которые уже никогда больше не увидишь такими, какими они были. Я тяготею к той душевности страны, которая утрачена. Пусть не все у нас было ладно, но человек человеку действительно был товарищем, другом.

— Подпадали ли вы под чье-то человеческое влияние (в том числе и творческое или, если хотите, за исключением творческого) и насколько сильно?

— Таких людей действительно было много. И без их участия в моей судьбе я бы, наверное, не стал собой, как бы странно это ни звучало. Особо отметил бы Аллу Пугачеву. Оказаться с ней в те времена на фестивале в Сан-Ремо — это сверхдостижение. Алла ведь гени-

альный стратег, и она многому научила меня. Это было даже не столько влияние с ее стороны, сколько взаимная энергетическая подзарядка, подпитка.

— К чьему мнению вы сейчас прислушиваетесь? А к чьему и не хотели бы, да приходится?

— Прислушиваюсь к мнению друзей. К мнению зрителей, к мнению прессы, но поступаю в итоге так, как решаю сам. А для диалога я открыт. Я терпим к критике. Критика — стимул прогресса. Нет таких людей, мнение которых мне безразлично. Истинность взглядов, слов не зависит от возраста, образования человека. Это просто взгляд с разной перспективы.

— С кем и с чем вы считаетесь: охотно; скрепя сердце; с отвращением, но деваться некуда?

— С мнением окружающих я считаю охотно, с жесткостью нашего мира, жизни я считаю скрепя сердце. А отвращение — это плохое чувство. Оно означает, что человек отторгает что-либо, не пытаясь понять. Это чувство поверхностно. Я стараюсь смотреть глубже. Грань между красотой и уродством очень относительна. Я сторонюсь такого чувства, как отвращение. Я хочу принимать, а не отвращать от себя.

— Как вы преодолеваете одиночество? Или даже не пытаетесь его преодолеть? Если так, почему?

— Я для себя раз и навсегда разделил понятия «одиночество» и «уединение». С одной стороны, я не одинок, всю жизнь меня окружали замечательные, талантливые, любящие люди. Я любил и был любим, но с другой стороны, всегда чувствовал и чувствую, что проклятие истинного художника — творческое одиночество. С этим я живу. В этом моя сила и моя слабость. Спасение только в любви.

— С какого времени вам стало интересней быть с собой, нежели с другими людьми?

— Думаю, с самого рождения. Именно поэтому я долго преодолевал свою интровертность, искал путь, ключик к окружающим меня людям. Сейчас я жертвую собой ради моего слушателя, я душу собственное «я» и отдаю себя публике без остатка, без каких-либо комплексов.

— Когда у вас была последняя любовь? Какая она, по вашему ощущению: последняя в жизни или будут еще?

— Понимаете, у меня каждая любовь по ощущению последняя. Чувство охватывает тебя настолько, что, кажется, после него, вне этого чувства нет ничего. Мир, жизнь замирают. Но любовь, конечно, была, есть и будет. Она вечна, она не может быть последней. Любовь всегда первая. Каждый раз — как в первый.

— Есть ли еще что-то такое в жизни из ее явлений (не проявлений!), что вам пока не известно и вами неизведано? Есть ли, другими словами, для вас в жизни что-то непознанное?

— Наверное, сама жизнь так и осталась загадкой. Я могу только предполагать. Кто я? Зачем я? Что я дал этому миру? Но точных ответов я не знаю. К счастью, я до-

стиг состояния, когда могу быть на «ты» с жизнью, могу восторгаться каждым новым днем. У меня есть возможность и время размышлять над этим и искать такие ответы.

— Что сейчас способно доставить вам настоящую радость, а что — огорчение и печаль?

— Думаю, что близкий, любимый человек. Перед ним ты наиболее беззащитен. Любовь всегда несет в себе и печаль, и радость, и смех, и слезы одновременно. От других ты можешь спрятаться, надеть маску, сделать вид, что ты «оловянный солдатик», что тебе все нипочем, а вот чувства к любимому человеку и их проявления — самые сильные, какими бы они не были, радостными или печальными.

— Когда, по-вашему, заканчивается жизнь? В момент смерти? До нее? Когда-то после?

— Мне кажется, жизнь заканчивается у каждого человека по-разному. Кто-то остается жить вечно. Вот посмотрите, Высоцкий, Пушкин. Они живее всех живых. А есть и обратные примеры, когда человек еще при жизни становится «ходячим трупом». Таких людей еще больше, но не будем о них. Не хочу их называть.

— В какое время года вам лучше работается? В какое время суток лучше думается?

— Думается, определенно, лучше всего ночью. Просто мозг начинает использовать какие-то иные ресурсы. Твой разум выходит за грань. Ты смотришь на мир и на самого себя другими глазами. Поэтому ночь — лучшее время для творчества, как, впрочем, и для любви. Что касается времени года, то оно имеет для меня не очень существенное значение. Я могу работать «и в жару, и в стужу».

— Какие предметы материального мира сейчас имеют для вас значение, а какие — нет?

— Сейчас у меня создается ощущение, что предметы материального мира вообще перестали значить для меня что-либо. Но я борюсь с этим чувством. Оно иллюзорно. Я не замечаю этих вещей просто потому, что привык к ним, привык к тому комфорту, который они дарят. А что будет, если я лишусь всего этого? Наверное, я стану думать иначе.

— По каким делам, по-вашему, вас запомнят: все; знакомые с вами люди; ваши родные и близкие?

— Думаю, что все меня запомнят благодаря моей профессии и всему, что с ней связано. Друзья и родные — благодаря моей безграничной и преданной любви. Может, я не всегда идеален, но и зла людям не делаю — никогда, никому.

— Когда вы поняли, что ваше дело не имеет абсолютной значимости в вашей жизни?

— В первую очередь мое дело — любовь. Дело моей жизни. И оно имеет абсолютную значимость. Потому что любовь — абсолютна. Все подчинено этому грандиозному чувству. И работа, и личная жизнь. Когда я это понял, все стало на свои места. Я достиг гармонии с самим собой.

Беседовал
Александр ЖАБСКИЙ